

ГОЛОДНЫЙ

ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВ

18+

Павел Николаевич Алексеев

Голодный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69230659

SelfPub; 2023

Аннотация

Виталий, поверивший в эффективность препарата для похудения, предлагает брату испытать подозрительное средство на себе. Иллюстрация: Павел Алексеев. Обложка: Павел Алексеев.

Павел Алексеев

Голодный

Виталик поставил передо мной пузырьёк, по стеклянным стенкам которого сползала маслянистая чёрная субстанция, и хихикнул. На нас тут же обратила внимание молоденькая официантка. Она остро покосилась на пузырьёк, но Виталик прибрал его, улыбочиво кивнув девушке.

Мы сидели в пригородном кафе «Замори червячка» за широким столом у окна. Алый свет млеющего на закате солнца лился на мою кружку с пенным. Рядом с ней стояла скромная тарелка с картофелем по-деревенски и тремя прожаренными до янтарной корочки куриными крылышками. Порция брата была в три раза больше моей. Обычно мы заказывали поровну, но в этот раз, изучая меню распалённым взором, он сказал, что голоден, как слизень, и позже ещё закажет большой кусок сливочного торта.

Я отхлебнул пару щедрых глотков пива и облизнул губы, после чего поинтересовался у брата, где он достал безымянный пузырьёк с неприятной нефтеподобной жидкостью. Сжимая в пухлой руке стеклянный объект моего настороженно-го внимания, Виталик не размыкал блестящих от жира губ. Они трепетали и плавно расходились, будто бы дарили мне робкую улыбку, но в то же время в огневом свете походили на предательский оскал. Его глаза лучились, а выпуклый лоб

лоснился от пота пропитавшего кожу. Родственник с присущей жулику опаской огляделся, наклонился ко мне и тихо, прикрывая рот рукой, промямлил, что расскажет, если я тоже соглашусь купить это лекарство.

Он заметно похудел. Телом всё ещё с трудом помещался за столом, но было видно, как осунулось его лицо. Пропали круглые краснеющие щёки, лягушачий подбородок поддулся, хоть и не исчез полностью. Кожа плотной шеи желеобразной массой перевисала через воротник серой рубашки, которая была на нём, наверное, со дня болезненного развода восемь лет назад.

Я смотрел на брата, жадно обгладывавшего куриное крылышко. В его резких движениях и подёргиваниях читалось возбуждение, а то, как он обкусывал косточку, и вовсе пугало. Неделью назад, когда мы сидели здесь за этим же столом, Виталик выглядел проще.

Обычно наши разговоры лились долго, вплоть до закрытия кафе. Мы обсуждали разное: искусство, кино, работу. О последней он говорил часами, едва ли не утомляя меня историями о сложностях профессии фрезеровщика. Из жгучих рассказов я и половины не понимал, но делал вид, что мне интересно. Порой с паршивых уст моего визави срывались неудобные фразочки и заводские выражения, из-за которых на нас регулярно озиралась официантка. Виталик был груб в словах, но честен. Я ценил это и поневоле сопоставлял его живость с амёбными формами жизни, с которыми имел дело

я, сидя в удобном кресле брокера частной финансовой организации.

В этот вечер между нами была несколько иная связь, напряжённая. Неудобную обстановку разбивал треск вилок о тарелки и хруст мяса на зубах. Изредка у одного из нас вырывалась неловкая отрывка, после которой наступала тягучая пауза, разбавляемая шансоном из радио за широкой барной стойкой. Когда мы уже уговорили по паре кружек пива и раскрепостились мыслями, я снова спросил у Виталика, где он достал эту дрянь. Брат указательным пальцем пододвинул ко мне пузырьёк и предложил попробовать. Я отказался. Сразу, без раздумий. Эта химия не внушала доверия, хотя демон соблазна и тянул ко мне свои щупальца. И мне не мешало бы похудеть. Жена постоянно об этом жужжит. Она всегда давит на больное, говоря, что я должен подавать пример своим детям.

Виталик выглядел на редкость бодрим. На нём не сказывается пиво. Он пьёт его часто и в больших объёмах, способен влить в себя канистру – и ни в одном глазу, а здесь лишь две кружки, третья на подходе. Он вытер пену с выпяченных губ, сочно причмокнул и тяжело вздохнул. Откинувшись на спинку мягкого дивана, он закинул свои коротенькие ручки за голову и, выдавив пузо, победоносным тоном заявил, что сбросил пяток. С первого приёма препарата прошло всего два дня. Виталик хитрым змеем посмотрел на меня, выжидая, когда моя оскудевшая душонка сломится, и я

взмолюсь единственным вопросом: где приобрести чудодейственное средство? Но нет, я перебарывал себя, глушил эту жажду пивом и не торопился рассыпаться на подозрительные вольности.

***

Я встретился с ним через неделю у того же кафе. Он, как обычно, улыбнулся, но вместо правой руки протянул мне левую. Позже, когда мы расположились у окна на прежнем месте, Виталик даже не посмотрел на меню, и больше, отодвинул его на край стола. Меня это взволновало. Я спросил, в чём дело, а он лишь отшутился, что объелся дома. Тем не менее, когда подошла официантка, брат перебил меня и попросил её принести целую курицу и три порции картофеля, после чего любезно предоставил слово мне.

Меня смущало, что Виталик всё время держал правую руку в кармане ветровой куртки, и мой настёртый характер вывел его на чистую воду. Он признался, что получил травму на заводе, и положил перебинтованную руку на стол. Иссущенное лицо несчастного покосилось то ли от физической, то ли от душевной боли, и вскоре он сообщил мне, что лишился трёх пальцев. «Отрезало фрезой!» – подал он, словно такое случалось не раз. Мне от этого стало не по себе, бросило в жар, а лоб взмок. Пропал весь аппетит, с которым я ждал порцию куриных крылышек. Однако своё пиво я выпил в несколько широких глотков и заказал ещё два бокала нефильтрованного. Виталик не разорился на подробности,

лишь обматерил фрезу и погневил себя за нерасторопность. После этого физиономия брата расцвела в до отвращения ко-сой улыбке. Он умело сменил тему на то, как сбросил ещё десять килограмм за неделю. Соглашусь, это было зримо, и сначала я связал это с несчастным случаем, ведь в такие пе-риоды человек обычно мало ест и теряет в весе из-за шока.

Кожа лица Виталика выглядела бледной, а ввалившиеся глаза были налиты кровью. Он хищно смотрел на меня, как обычно смотрит на хорошенько прожаренную отбивную из свинины. Его шея заметно сузилась, а груди, до этого выпиравшие через облегавшую тело серую рубашку, уменьши-лись. Кстати, рубашка на нём тоже висела, как несоразмер-ная пижама. В какую-то минуту во мне разыгралась лёгкая за-висть. Как бы я ни старался избавиться от лишнего веса, ни-чего не выходило, хотя я перестал есть на ужин сладкое, упо-треблял в пищу меньше жирных продуктов и полностью ис-ключил из рациона майонез. По утрам начал делать простые упражнения вроде приседаний, купил себе гантели.

Виталик вдруг спросил, не решился ли я купить препарат, и это обдало меня волной сомнений. Во мне что-то засвер-бело. Я посмотрел на него слезливыми глазами, но на сей раз ничего не ответил, скромно пожав плечами.

Осмотревшись, он снова достал из кармана пузырёк. Бра-тец покичился, что остался один приём, после которого его вес полностью нормализуется до среднего, а именно до семи-десяти килограммов. Затем обмолвился, что с каждым днём

его аппетит вырастает в разы. «Тянет на дикую жрачку», как он выразился. Однако даже если съесть целого быка, то ни грамма не прибавится. Свойства чудотворного лекарства были поразительными. Виталик излагал свои восторженные мысли так, будто заявился ко мне домой продавать пылесос. Именно с таким пылким взором и певучим голосом начинали свои тирады пришлые «впариватели» подозрительной техники.

«Ты не представляешь, как очищается организм, – говорил с интонацией блаженного. – Не подумай, я не рекламирую это как что-то наркотическое. Хотя, признаюсь, схожесть имеется. Это лекарство, после которого твой разум просветляется, все проблемы забываются, а боль исчезает, растворяется в эйфории, с которой вещество растекается по организму. Пульс учащается, и ты его слышишь, как и всё, что происходит за стенами твоего подсознания. Когда я принял десять первых капель, то сразу же почувствовал, как внутри меня что-то будто ожило, зашипело, но в приятном смысле этого слова. Я испытывал непередаваемые ощущения лёгкости и пустоты. Представь, что ты безмерно влюблён в самую красивую девушку, и она отвечает взаимностью. Тебе такое, наверное, знакомо. Лекарство способно не только подарить стройную фигуру, но и поднять настроение и мужской дух. Ну, ты понимаешь, о чём я. Хотя и соглашусь, аппетит оно тоже поднимает будь здоров. Но это всё мелочи в сравнении с тем, какой оргазм ты испытаешь, когда посмот-

ришь на себя в зеркало на следующее утро. Ты ведь так этого хотел: сбросить хотя бы пятёрку. Тьфу, она через полчаса уже сгорит, даже если ты просто будешь валяться на диване. Поверь, когда я нашёл его в закоулках интернета, то тоже усомнился. Почитал отзывы, не знаю, настоящие или купленные, но выглядели они правдоподобно, и все сомнения испарились как роса в жаркий полдень. Я, ослеплённый желанием помочь себе, своему организму, был готов пойти на всё, чтобы избавиться от того, что наел за последние десять лет. Мне и врачи не раз твердили, что проблемы с лишним весом могут плохо закончиться. Да и сердце начало барахлить. Я не заставляю тебя, а лишь напоминаю о нашем новогоднем уговоре, что пора бы привести себя в форму. Ноябрь на дворе. Ты не пожалеешь! К тому же сейчас на препарат большая скидка».

Его слова обезоружили меня, и он, прочитавший на моём лице любопытство или робкий интерес, тут же утвердил, что скинет ссылку мне на почту. Я согласился. Не хотелось ему отказывать. Это скорее был жест поддержки.

***

Через неделю мы должны были встретиться с ним в это же время, а именно в шесть вечера в кафе. Заранее не договаривались, так как это наша давняя традиция. Если планы и менялись, то один из нас предупреждал об этом, но такое случалось крайне редко – пару раз за восемь лет.

Я прождал его около часа. За это время умял большую

порцию картофеля, дюжину крыльев, тарелку гренок и залил всё двумя бокалами нефильтрованного. Лишь после этого беспокойство начало брать верх. Бывало, что кто-то из нас задерживался на 10–15 минут, и виной тому обычно были автомобильные пробки. Я принялся звонить ему. В ответ звучали немые гудки. Странно, Виталик всегда отвечал или присылал сообщение, что перезвонит.

Расплатившись по счёту, я схватил свою куртку и поспешил к машине. Всякие мысли роились в моей голове. Думалось, что с ним что-то случилось. Мной управляли тени тревоги. Они заставили меня заглянуть в бардачок автомобиля и убедиться, что ключи от его дома на месте.

Одноэтажный район старого города выглядел удручающе. Объединенные временем приюты мёртвых душ зарастали вьюном и папоротником, из пустых окон торчали стволы молодых берёз. Раскосые крыши, местами проваленные, показывали грузному небу свою нищету, соседствующую с высотными пещерами, испещрёнными, словно глазами, десятками светящихся окон.

Я ехал осторожно, преодолевая каждый бугорок и лужу, коими была усажена первобытная дорога упадочного городка. Свет фар отвоёвывал у тьмы клочки видимой жизни, которой не мог похвалиться этот район. Лишь местами по сторонам появлялись обжитые дома, скромно стоявшие за не обруганным собачьими словами забором из частокола.

Старый родительский дом замыкал длинную улицу Со-

ветскую. Огороженное профилированным листом строение виднелось лишь двускатной крышей, из которой серыми змейками во мраке вились полосы печного дыма. На обочине стояла машина брата.

Я надавил на кнопку звонка, но вскоре, не дождавшись ответа, открыл калитку своим ключом и вошёл во двор. Я не был там полгода, но казалось, целую вечность. Двор выглядел неухоженным, повсюду мусор и ветки засохшей яблони. Плитчатая дорожка до покосившегося дома затерялась под месивом из грязи и травы. Лишь редкие следы, по-видимому, Виталика, проглядывались в этой слякоти. В стороне я заметил опрокинутую бочку с мусором, сами отходы разбросал по территории ветер. Этикетки, бутылки и прочий сгнивший хлам стихийно валялись по двору. Каждый из несъедобных предметов был целью настырной галки, хаотично скачущей с зажатой в клюве упаковкой из-под семечек.

Я вошёл в дом. Оттуда мне в лицо вылилась тёплая затхлая вонь. Первые секунды, хотя мной они воспринимались часами, тишина главенствовала как в доме, так и в голове. Я окликнул Виталика, но отозвалось лишь пугающее молчание.

Противный печной треск разбудил моё сознание и вырвал из кислых раздумий и ненужных фантазий. За треском послышался шорох или что-то похожее на копошение, будто воришка проник в обитель своих дорогих мечтаний. Я неспешно двинулся по тёмному коридору, миновал вход

в кухню, где, как обычно, царствовал бардачный хаос. Со дня похорон матери беспорядок стал частью жизни Виталика. Ржавые кастрюли грудились на полу, а кухонный стол был заставлен горами тарелок и чашек, внутри которых, казалось, выросли новые цивилизации.

Под ногами скрипел пол, раздражая остатки нервной системы. Я старался подавить в себе тревогу, скользившую по телу с каждым шагом всё быстрее. Треск печи из дальней комнаты сначала сменялся шорохом, но вскоре тихое, словно плач, завывание пронзило мою хрупкую душу. Стон рос в моих ушах, был близок. Я двигался на очаг подозрительного звука, прокручивая в голове безумные догадки.

Миновав бисерные шторы, за которыми открывалась широкая спальня брата, я включил свет и увидел то, чего не мог представить в самых кошмарных снах. Мой рассудок оказался, должно быть, в цепких лапах самого Дьявола. Я охладел и застыл, в моём теле на миг увяла жизнь. Я ничего не мог разглядеть, так как в глазах помутилось, страх серой дымкой застил обзор. Моё сердце запрыгало, а горло пересохло в ту же секунду, когда на меня обратило внимание нечто из преисподней – скользкое чудовище, очертания которого отдалённо походило на Виталика.

Оно лежало на кровати, у стены, орошённой кровью. Капли сползали по обоям, полосами вырисовывая смертные иероглифы. На полу блестели сгустки алого цвета, росли и сытились подтёками, что падали с пропитанной ужасом про-

стыни, вьедались в деревянные половицы.

Мой взор невольно упал на существо, должно быть, выползшее из потусторонних недр, где ад пламенем довлеет над лучами жизни. Монстр шевелился и смотрел на меня чёрными, как нефть, глазами, молящими, просящими о помощи, но алчущими. Это был Виталик, но изменившийся до боли в сердце, превратившийся в нечто уродливое, чего не представит себе ни один здоровый организм. Его голова выглядела неестественно вытянутой и сросшейся с туловищем. Она вертелась, точно кукольная, и жевала огромным разорванным ртом, из которого торчали остатки мяса или что-то похожее на кожу. У Виталика оставалась лишь левая рука, в которой он держал кусок ступни с пальцами. Я опустил взгляд туда, где у человека должны быть ноги, но их не было. Вместо них беспорядочно тряслись культы с нервными окончаниями, кровавыми обрывками и торчащими осколками костей. Они шевелились так, словно в них поселилось что-то страшное, неземное, разрывающее душу на тысячи мучительных частиц. У кровати лежал топор с пылающим в багрянце лезвием.

Я в беспамятстве взревел, схватился за голову, но остерегался приближаться к существу. Нет, это уже был не Виталик. Личинка чужеродного создания – вот что он мне напомнил, жалобно хрипя и протягивая единственную руку.

Ни скорая, ни полиция здесь не помогут. Я стал узником наипротивнейшего полотна, рождённого в закоулках воспа-

лённого ума творца химерной жизни. Во мне истлели последние огарки грёз, что это был мой брат, мой кровный друг, наставник и отец. Виталик издал гвалт, способный встрясти всю душу. Я видел его страдания, его чаянья повернуть время вспять и отказаться от препарата для похудения. Пустой пузырьёк валялся на полу под кроватью.

Я едва не лишился рассудка, вкушая холод фантазмагорического естества. Мой слух, как лютый враг, впитывал ненужный хруст костей, с которым ломалось тело брата. Нет, это не Виталик, не может быть! Мне всё это бредилось! Его тело неестественно растягивалось, трансформировалось, а глаза, до этого пустые, но насыщенные жизнью, теперь выглядели мёртвыми чёрными точками в сгустке бесформенной вибрирующей массы. Нечеловеческий вопль наполнил тошнотворное пространство бледных стен. Это был голос мук и неумолимой боли, с которой трескалась плоть, выпускающая всё больше крови. Я видел, как существо из преисподней рождалось в торжестве страданий. Оно ревело как дитя, тянуло жгучие отростки, что прорывались через плотную людскую кожу. Голова, словно пластилиновый шар, лоснилась в свете тусклой лампы, висевшей высоко под жёлтым потолком.

Ожиревшая сущность походила на червя, который принялся глотать себя. Я не мог оторвать взгляда от холодящих глаз, усыпавших всё тело мученика чертовских прихотей. Монстр насыщался личной плотью, голодно вгрызаясь

острыми зубами в кожу. Издавая хриплое мычание и звуки хищного триумфа над собой, оно пускало кровь, как сок минувшей жизни. Слюнные выделения тянулись из широкой пасти, пропитывали постельное бельё, блестели, как льняное масло. Существо, выродившееся из Виталика, было чем-то далёким, запредельным кошмаром, который вселял в остатки моего сознания вселенскую панику, уничтожающую крохи самообладания.

Я в немом оцепенении, с титаническим трудом перебарывая себя, отступил назад. Та тварь, упоённая собой, не выглядела агрессивной, но и добротой не награждала. Она таилась потусторонним зверем, оставив собственную плоть.

С очередным шагом я почувствовал, как жар от печи взметнулся по моей спине. Я, будто управляемый неведомыми силами, пригнулся, не отводя от монстра взгляда, и медленно открыл дверцу топки. Облачив ладонь в рукав куртки, я схватил первую попавшуюся лучину и бросил на кровать, где находилась нежить. Огонь принялся растекаться по обрывкам ткани и постельному белью, а через миг окольцевал сущность незнакомой мне породы. Пронзительный визг заставил меня отойти к выходу. Я наблюдал за тварью, не способной противостоять напасти. Она, охваченная пламенем, в смятении орала, но старалась заглушить неиссякаемую боль потугами убить в себе голод, с остервенелой хваткой цеплялась за собственные отростки, вырывала их и пожирала.

Огонь сполз на пол и поднимался по стенам. Вскоре вся

комната спряталась в дыму, а жар, застивший пространство, не позволял свободно дышать и видеть. Во мне бушевали душераздирающие крики, пытались вырваться наружу, но я держался. Из глаз полились горячие слёзы, а в груди запекло от той боли, с которой я смотрел на медленную гибель родного мне человека. Необъятный ужас овладел мной и заставил бежать как можно дальше. Я покинул дом и уехал на машине за город, спрятался в лесу, там, где меня никто не найдёт. Надеюсь на это.

Остановившись, я вынул из кармана куртки безымянный пузырёк, стенки которого изнутри были окрашены чёрной массой. Через эту грязь пробивалась пустота. Да, лекарство было во мне, до последней капли. Я испытывал опустошение и лёгкость. Вероятно, то же самое переживал Виталик, когда принял препарат в первый раз. Мне не хотелось ждать, мечталось похудеть, лишиться этого мерзкого обличья. За обедом я вылил жидкость в рот и запил водой, минуя все правила приёма.

Кажется, сейчас во мне бушует первобытный голод. Как тошнотворно и приятно, внутри что-то колыхается, живёт и просит пищи, я будто таю. Мне становится легко и в то же время жутко. Жутко оттого, что мне придётся пережить. Вероятно, я схожу с ума, лишаюсь дара речи и способности видеть мир трезво. Это не конец. Быть может, это лишь начало...